

Памяти Александра Розенбойма

Неисправимый романтик

– Вы знаете, что это? Это кронштейн от газового фонаря, – его рука показывала на чудом сохранившийся неказистый предмет на фасаде старого дома с облупившейся штукатуркой. Тысячи прохожих не обратили бы на него внимания, но острый взгляд человека, влюбленного в свой город, никогда не пропускал ни одной черточки в его облике.

У Александра Розенбойма как у серьезного глубокого ученого никогда и ни в чем не было мелочей. Он должен был докопаться (и всегда докапывался) до «самой сути». Но, в отличие от академических ученых, Александр Юльевич писал не научные труды, а живые, бесконечно интересные книги об Одессе и одесситах, адресованные, как принято говорить, «широкому читателю», но при этом представляющие интерес для самых серьезных исследователей. Добытые им сведения всегда опирались на документы и факты, на свидетельства современников и потомков, были точны, выверены, грамотно прокомментированы.

Александр Юльевич умел работать с архивами и библиотечными собраниями профессионально и мог бы в этом дать фору многим историкам и филологам. Всю жизнь он открывал Одессу одесситам и всем, кто неравнодушен к нашему городу.

Этот просветительский процесс был нерегламентированным. Розенбойма можно было случайно встретить в городе, поговорить и тут же прослушать интереснейшее сообщение о том новом, что ему недавно удалось узнать, выяснить, обнаружить. Отношение к одесскому прошлому было у Александра Юльевича поистине возвышенным, романтическим. Он придавал значение многим мелочам, неизменно подчеркивая, что «это могло произойти только в Одессе».

Как мне кажется, он олицетворял «одесский характер» в самом лучшем его проявлении: глубокая интеллигентность, мягкий юмор и исключительная доброжелательность. Эти качества личности отражены в его книгах, которые – лучшая память о замечательном одессите Александре Юльевиче Розенбойме.

Роман Бродавко

Мемории о Малой Арнаутской

Александр Виноградский, бывший директор Культурного центра при Одесском обществе еврейской культуры (Малая Арнаутская, 46а) известен как бард. Он писал стихи и музыку, но не владел нотной грамотой. В 2001 году он обратился ко мне, дочери его покойного друга Александра Шафира, с просьбой записать мелодию песни «Мемории о Малой Арнаутской», сочиненной им на стихи Александра Розенбойма. Я с удовольствием выполнила его просьбу, написав также аккомпанемент.

Александра Розенбойма широкая публика знает как автора прозаических произведений, которые он публиковал под псевдонимом Ростислав Александров. Когда же возник вопрос о публикации песни на его стихи, Александр Юльевич подписал их псевдонимом Александр Танин – в честь своей дочери Татьяны.

Александр Виноградский опубликовал эту песню в двух сборниках: «Проходные дворы Молдаванки» (2001 г.) и «Судьбою данный город» (2003 г.), которые вышли в издательстве «Optimum».

В 2008 г. в издательстве «Негоциант» увидел свет сборник моих музыкальных произведений «Лестницы ступени». В раздел аранжированных мной песен я включила «Мемории о Малой Арнаутской» в новой редакции, которая Александру Юльевичу понравилась больше, чем предыдущая.

Однажды я спросила у Александра Юльевича, есть ли у него еще поэтические тексты. И он признался, что, кроме этого стихотворения, у него больше нет ничего, достойного внимания. Недавно мы записали с Семеном Вайнблатом эту песню на диск и подарили автору стихов. Нам было приятно услышать от сдер-

жанного, немногословного и скупого на похвалу Александра Юльевича теплые благодарственные слова в наш адрес.

Инна Вайнблат-Шафир

Слова Александра Танина
Музыка Александра Виноградского
Акомпанемент Инны Вайнблат-Шафир

Мемории о Малой Арнаутской

Язык одесский там считался речью русской,
Крутил свой «Зингер» старенький портной,
И под акациями Малой Арнаутской
Катил биндюжник по булыжной мостовой.

И фрайера гуляли не спеша,
Зажав зубами папироски лихо.
Там тихо говорили просто «ША»,
И это означало просто «ТИХО».

А в погребках фартовый люд кутил, (+ 2 слога)
А во дворах гудели примуса, (+ 2 слога)
И старэвэщник с рыжей торбою бродил,
И пьяных нищих раздавались голоса.

Стучали дятлами секачки по доске,
Рождая синеньких волшебную икру,
И пацаны галдели во дворе, (+ 2 слога)
Играя в жмурки, в эту вечную игру.

Но ничегошеньки не вечно под луной,
Там не гудят уже трудяги-примуса,
Где детству нашему давно был дан отбой,
И наша юность убирала паруса.

Но майским вечером опять сведет с ума
Акаций запах, что над улицей плывет,
И любопытною соседкою луна
Глядит на двор и ничего не узнает.

Лишь любопытною соседкою луна
Глядит на двор, и никого не узнает.

1998

Дом на Кривой

Тема книги «Улицы нестрогих дев» необычна. Уточнение в подзаголовке – «Из истории проституции в Одессе». В ответ на ожидаемый вопрос читателя, почему автор выбрал эту тему, Александр Розенбойм ответил так: «Но кто сказал или где написано, что в истории Одессы есть хоть одна страница, которая не должна быть открыта и прочитана пусть даже много лет спустя?». Может быть, пролетят десятилетия, и кто-то напишет книгу на эту же тему, но о нашем времени, потому что древнейшие профессии так быстро не исчезают.

Но это книга не только о «нестрогих девах». Это книга об Одессе, о ее домах, улицах, бульварах, парках и, разумеется, о людях с разными судьбами. Главное для современного читателя – не то, где можно было встретить «нестрогих дев»: Городской сад, Александровский парк (ныне парк им. Т. Шевченко), Пале-Рояль, Красный переулок, а исторические сведения о том, что представляли собой эти территории, кому они принадлежали, какие здесь были сооружения, какие известные личности здесь бывали и в каких художественных произведениях или мемуарах они запечатлели свое восприятие Одессы того времени.

В какой-то мере и я причастен к созданию этой книги. Я родился на ул. Провиантской, 19 (ныне Асташкина, а в прошлом она называлась Кривая). Этот дом уже несколько лет как снесли. Там сейчас многоэтажка. Однажды, в 2007 г., я сообщил Александру Юльевичу, что старожилы этого дома мне рассказывали, что в прошлом один из флигелей этого дома, а также несколько жилых зданий возле бани № 6 и напротив ее были публичными домами. Александр Юльевич попросил меня показать флигель.

Он в то время подлежал сносу, и в нем никто не проживал. Мы, прихватив фотоаппарат, посетили этот дом и сделали несколько фотографий. Через некоторое время Александр Юльевич, работая в архиве, нашел подтверждение моим словам и сказал, что будет собирать материал для новой книги. Изредка он рассказывал о том, что успел уже написать. В апреле этого года он сообщил мне, что макет готов, и он ищет спонсора. Так спустя 8 лет издательство «Optimum» опубликовало его новую книгу, объемом более 300 страниц. На странице 306 можно прочитать: «Кривая была улицей домов терпимости, что воспринималось уже как нечто обычное, как море у берегов Ланжерона или Толкучий рынок на Прохоровской площади».

Когда 26 мая я по его просьбе принес ему из издательства первые шесть экземпляров новой книги, он произнес с улыбкой только одно слово: «Дождался». А когда в комнату вошла его супруга, он сказал: «Посмотри!». Это была наша последняя встреча.

Семен Вайнблат

Саша из Арнаутской слободки...

В прошлом году Саша поздравил меня с 60-летним юбилеем нашего знакомства. Объединили в 1954-м году мужские и женские школы. Саша Розенбойм учился в параллельном классе. Естественно, не с первого дня, несколько позже мы часто возвращались домой вместе, нам было по пути. Один из самых первых текстов мною был написан благодаря Саше. Уже много лет спустя он вспоминал школьный спектакль, в котором я участвовала. Так благодаря Саше появился мой рассказ «Платье мадам Обломок». Потом еще не один текст начинался словами: «Саша Розенбойм спрашивает...». И последние тексты – о графинах и об одесских корнях профессора Гуковского – написаны благодаря Саше. О графинах он успел прочитать...

«...Более чем полвека назад я часто шла из школы с двумя мальчиками. Мы шли по Большой Арнаутской, потом по Гимназической, на углу прощались, мальчики отправлялись дальше – по Малой Арнаутской. Мальчики были из параллельного класса. Наш «маршрутный» союз давал повод для насмешек: «Смотри, опять идут Король, Королева, а между ними – Розенбойм!». У Бори действительно была фамилия Король, мою фамилию Королёва всегда переименовывали в Королеву. А настоящим королем стал со временем Александр Розенбойм. Королем одесситки. Одним из тех хранителей, собирателей одесской истории, к которым можно применить слова древней притчи: «много званых, но мало избранных». Эта плеяда «мало избранных» начиналась с Александра Михайловича Дерибаса, Доротей Атлас и преумножилась известными именами наших замечательных современников, Розенбойм из этого прекрасного содружества».

Именно тогда Саша Розенбойм преподавал мне первый урок одессики. Как-то к ним в класс, рассказывал Саша, пришел человек, рассказавший, что эту школу – 101-ю – он окончил сорок лет назад. Правда, тогда это была еще гимназия Панченко. Саша и через много лет говорил, что мы учились в бывшей гимназии Панченко. Может, школьник Саша Розенбойм тогда, более 60-ти лет назад, начал заниматься историей родного города и делал это до последнего вздоха...

А письма Саша часто подписывал: «С Арнаутской слободки»...

Валентина Голубовская

Из раньшего времени

Сказать, что Саша любил Одессу, – это еще ничего не сказать. Он был частью Одессы, таким себя ощущал, прожил жизнь, неся в себе легенду города, его язык, его оптимизм и доброжелательность.

Первую статью о Сашке-музыканте из «Гамбринуса» Александр Розенбойм принес мне в «Комсомольскую искру», с нее начался Ростислав Александров, а по сути – и краеведческая страница «Одессика». Для первого номера «Всемирных одесских новостей» заказал ему статью «Прототипы Остапа Бендера», с нами он был в журнале «Одесса», а в первых четырех номерах альманаха «Дерибасовская – Ришельевская» А.Ю. Розенбойм рассказал о четырех углах на Дерибасовской и Ришельевской. Трудно сосчитать количество статей, написанных им за полвека.

Только что вышла его, как мне кажется, двадцатая книга, «Улицы нестрогих дев». А сколько еще было в планах... Но главное, он успел написать книгу о Бабеле, написал книгу о «Времени больших ожиданий» К.Г. Паустовского. Саша искал, находил людей «из раньшего времени». Сейчас осознаешь, что он сам был одним из них, из исчезающего племени ироничных и мудрых одесситов.

Мы публиковали его неоднократно, но о нем вроде бы и не писали. Как-то не принято было писать друг о друге, подшучивать – это всегда пожалуйста... Но к 70-летию А.Ю. Розенбойма в августе 2009 года на первой странице «Всемирных одесских новостей» я написал о нем передовицу, ее мне хочется повторить и сегодня. В ней живой Саша. Таким для нас он и останется. Можно было бы исправить несколько чисел, выросло количество книг. Но не хочу трогать этот текст. Тогда он понравился герою передовицы.

«Слушайте сюда!»

Если об этом просит Саша Розенбойм, как всегда, чуть подняв указательный палец левой руки вверх, то поверьте моему опыту, а это ни много ни мало – сорок три года сотрудничества, Сашу «таки да!» нужно слушать.

Мало кто в нашем городе так естественно говорит на «одесском языке», знает его не по литературным источникам, а изнутри, из дворов Малой Арнаутской, где он живет всю жизнь, из дворов Молдаванки, где жили его бесчисленные собеседники и герои его книг.

Одну из глав своей книги «Ришельевская симфония» он так и назвал «Слушайте сюда!». И сколько в этой главе фраз, которые нельзя придумать, их можно только услышать! И навсегда запомнить. Как торговались на базаре: «Два рубля? Вы хорошо хотите». Как встречали в винных подвальчиках: «Попробуйте в натуральности шабских вин!». Как выносили окончательный приговор во дворе: «Он таки малахольный на всю голову!»...

Нет, не только этим владением языка Одессы славен Александр Розенбойм. Многознающий краевед, он десятки лет жизни посвятил тому, чтобы воссоздать подлинную историю литературной Одессы XX века, а не такой, какой в разные периоды, да и сегодня тоже, хотят ее видеть чиновники от идеологии. Кто лучше, доскональнее его знает сегодня одесские годы Эдуарда Багрицкого, Исаака Бабеля, Юрия Олеши... И все эти знания он не таил, а щедро выплескивал – вначале на страницы газет «Комсомольская искра», «Вечерняя Одесса», «Вестник региона», «Всемирные одесские новости», затем на страницы своих книг.

Горжусь тем, что первая публикация Александра Розенбойма – о герое купринского «Гамбринуса» Сашке-музыканте – проходила через мои руки, готовилась в созданный мной на страницах «Комсомольской искры» краеведческий клуб «Одессика». А в этом году у Александра Розенбойма вышла 15-я (!) книга – «Угол Екатерининской».

Понимаю, что в литературе, в журналистике он останется Ростиславом Александровым. И хоть это идеологическая издержка не самых благоприятных для творчества времен, но сотни статей,

пятнадцать книг не переименуешь. Но, к счастью, сегодня его знают и по подлинному имени, и по литературному псевдониму, и это не вызывает сложностей в идентификации личности героя этой колонки.

В сентябре 2009 года Александру Юльевичу Розенбойму исполняется 70 лет. Он родился, когда Одессе – главной героине всех его книг – уже минуло 145 лет. Трудно представить себе другого человека, так сросшегося с легендой родного города. Расшифровывая мифы Одессы, он продолжает дело Александра де Рибаса, Константина Паустовского, Валентина Катаева, учит любить Вселенную, имя которой – Одесса.

Пятнадцать книг, сотни статей – это серьезный вклад в одессу, в историю литературного Юго-Запада. Но рано подводить итоги. Ростислав Александров порадует всех своих читателей большой книгой о Бабеле. На это я надеюсь, в этом я уверен. К этой книге – отдельными статьями, разысканиями, находками – он идет уже полвека.

Так что, если кому-либо из вас Александр Розенбойм скажет: «Слушайте сюда!» – как бы вы ни спешили, остановитесь и слушайте. Ему есть что сказать. Не перебивайте его, не говорите ему: «Замолчи свой рот!». А пока прочитайте его статью «Профессор с Дерибасовской улицы».

И, как говорили в Одессе, – «таких вот дел».

Память о Саше будет жить в его книгах. Думаю, мы, его друзья, выпустим сборник воспоминаний о нем. Надеюсь, в отделе краеведения библиотеки им. Горького, где месяцами, годами работал Александр Розенбойм, появится полка с 20 книгами Ростислава Александрова.

Евгений Голубовский

Спасибо, Саша!

...Долгое время он оставался для меня Ростиславом Александровым – великим знатоком Города и романтиком, каким-то непостижимым образом умудряющимся при этом скрупулезно относиться к любым историческим фактам. Никогда не забуду, как потрясла меня прочитанная у него фраза: «С тех пор многое изменилось, и бульвару, который долгое время носил имя «Пролетарский», вернули исконное название, но Лаокоону некуда и не к кому возвращаться...». Чувствуете эту невыносимую тоску, не человека – скульптуры, а вместе с Лаокооном – и автора этих строк?..

...Когда после 7-летнего пребывания в Лос-Анджелесе состоялось мое счастливое возвращение в Одессу, первым человеком, с кем меня во Всемирном клубе одесситов познакомил незабвенный Аркаша Креймер, был сухощавый седеющий мужчина среднего роста с дымящейся сигаретой.

– Розенбойм, Саша, – коротко представился он и с улыбкой добавил: – С возвращением в Одессу!

Мы долго разговаривали, а я все не догадывался, что это тот самый, уже очень популярный автор, которого я неоднократно цитировал, когда писал о нашем Городе...

...Вскоре я закончил книгу «Мое одесское детство» и по совету того же Аркадия показал ее Розенбойму – до отправки в издательство. Говорят, книга получилась, и здесь огромную роль сыграли несколько замечаний, сделанных Сашей. Более того, он написал послесловие к книге.

Вернувшись домой после поминок, я перечитал его, с трудом сдерживая слезы. С неисчерпаемой грустью и огромной гор-

достью в очередной раз цитирую этого удивительного человека – Александра Юльевича Розенбойма: «Чтобы узнать человека, совсем не обязательно кушать с ним пуд соли, даже если она была выпарена из чудодейственной воды нашего Куяльницкого лимана. Достаточно прочитать его книгу...»...

Анатолий Горбатюк

Мы станем бродить за ним...

– Розенбойм ушел, и нам плохо без него. Не хотел лечиться, оперироваться, ходить с «водовыпуском». Нам плохо, и мы перекладываем на него ответственность за это наше плохо. Не подлежит порицанию: ни наше стремление самоуспокоиться, ни его право распорядиться жизнью по собственному усмотрению. Саша не хотел лечиться, он хотел учиться у жизни, чем и занимался, мужественно, в удовольствие. Здесь как раз тот случай, когда достоинства переходят в любимые окружающими недостатки. Он был упрям и обидчив. Упрямо работал на Добро, переживая обиду за унижение ветшающей Одессы. Розенбоймы не воспроизводятся, это одесситы «из раньшего времени», архаичная модель, раритет. Сравнивая с новыми генерациями, некорректны категории лучше-хуже. Речь идет о неповторимости, незаменимости. Никто не заменит мне Сашу Розенбойма, как ничто и никогда не заменит нам Города Детства, родную улицу, старый дом.

Саша был изрядным абсентеистом – во всем, что касалось собственного благополучия, – и трогательно равнодушен к судьбе друзей. Умел деликатно сопереживать, помогать, делать подарки, держать в башке не только литературно-краеведческие даты, но и дни рождения моих детей, жен, подруг. Мы были коллегами, включая такую почтенную отрасль знаний, как алкогольная топография, особенно увлекательную в сочетании с историческим бытописанием. Сравнивая нас, нахожу категории хуже-лучше как раз уместными. Саша был лучше. Хотя бы уж потому, что даже на самой высокой ноте абсентеистского витийства не забывал о семье. Всегда с самоукоризной и горечью ненавязчиво напоминал нам, распи*дям, об ответственности. Саша

На снимке Ивана Череватенко – наши давние посиделки с Сашей. Винарка в Малом переулке

очень сильно, пожалуй, болезненно любил жену, сына, часто с гордостью говорил о старшей дочери. Открывая новый погребок, новую экзотическую рюмочную, становился ее пропагандистом, приглашал туда друзей, а мы отвечали ему взаимностью.

Одна из его книг, об одесских улицах, называется «Исхоженные детством». Мы и впредь станем бродить по ним – до той поры, пока не воссоединимся. На мгновение круг замкнется, чтобы разомкнуться новыми яркими красками другой неистребимой Одессы. Жизнь и работа на Добро продолжатся без нас, и это повод для радости, не для уныния.

...Как надо писать некрологи? Как для себя.

Олег Губарь

Я вспомнил...

...Так сложилось, что мы с ним большую часть жизни обитали хотя и в центре Одессы, но на разных рубежах линии порто-франко, а несколько последних лет жили по соседству, более того – вблизи от Всемирного клуба одесситов.

Утром знойного июньского дня я перешел Большую Арнаутскую к углу, где давно уже обосновались торговцы цветами. К своему удивлению, увидел не привычный прилавок с огромными пышными букетами в шуршащих обертках, а миловидную женщину средних лет, прикрывавшую от солнца цинковое ведро с розами, в которых я тут же признал те, что в юности покупал на Соборке, – свежие, с острыми, но добрыми шипами, сохранявшие свежесть несколько дней.

Опередив меня, она протянула два цветка, которые я назову милыми, и рассказала, что розы выросли под окнами ее дома, на Ближних Мельницах, что обычно она продает их у ворот Второго кладбища, а вот сегодня почему-то пришла на угол Белинского и Большой Арнаутской...

Скажут – совпадение, а я вспомнил одну из книг Александра Розенбойма, где он с любовью и ностальгией рассказал о цветочницах, которые в начале XX века украшали фонтанскими и дальницкими, мельничными и слободскими цветами Дерибасовскую и Ришельевскую, Преображенскую и Екатерининскую...

Перед клубом уже собрались Сашины друзья, поклонники его таланта, и прохожие интересовались, кого же сегодня хоронят на углу Базарной и Маразлиевской. Один из нас ответил: «Александра Юльевича Розенбойма», – другой: «Ростислава Александрова», – а я вспомнил, как сравнительно недавно в одной из газет

сообщалось, что на открытии мемориальной доски присутствовали известные краеведы Александр Розенбойм и Ростислав Александров – таков его литературный псевдоним, о чем юная журналистка и не подозревала...

На кладбище у одного из нас внезапно зазвонил телефон – мелодия «Мурки» оборвалась на третьем такте... Виновник был сконфужен, а я вспомнил, с каким смаком Саша рассказывал нам подобные истории (хоть смейся, хоть плачь), и подумал: ему бы этот сюжет понравился...

Поминки проходили в траурном зале «Анубис» (в честь бога смерти у древних египтян), и мы заспорили, какая же у него была голова – собачья или волчья. И я вспомнил, что Саша бы нас рассудил – если не точным знанием предмета, то шуткой, да еще какой...

Расходились с поминок хмельные и грустные, и тут я увидел, что траурный этот дворец расположен на улице Бабеля.

И вспомнил, что с книги Ростислава Александрова «Волшебник из Одессы» началась наша «Одесская библиотека», и подумал, что и Исаак Эммануилович, и воспевавший его Александр Юльевич понимающе взглянули бы друг на друга и улыбнулись на молдаванской улице, которая сравнительно недавно именовалась Виноградной.

Феликс Кохрихт

Мне его не хватает

Только сегодня я понял, что мы очень давно не виделись – почти восемнадцать лет, с осени 97-го. Он всегда был рядом – с того самого дня, когда впервые появился в нашей московской квартире (минус еще восемнадцать лет). И как теперь привыкнуть к тому, что его больше нет?

Александр Юльевич Розенбойм был удивительным человеком, в котором природная скромность уживалась с блестящим умением заинтересовать собеседника. Он говорил просто, доброжелательно, нимало не кичась своими колоссальными знаниями. Гулять с ним по Одессе было истинным наслаждением, – открывая тебе город и делаясь своими открытиями, он всегда вел себя так, как будто ты все уже и так знаешь, а ему остается лишь напомнить о некоторых подробностях.

Он любил свой город. Говорил об Одессе с нежностью, нередко с грустью, не без иронии. Все эти чувства мгновенно передавались тем, кому посчастливилось с ним общаться или читать его книги и статьи. Одессе будет его не хватать.

И мне его не хватает. Пусть мы много лет не виделись, но слали друг другу письма. Под Новый год я написал ему: «Чем черт не шутит – может, встретимся в Одессе». Он ответил: «Пусть черт уже пошутит, будет и грустно, и хорошо». Теперь – только грустно.

Светлая память Вам, Александр Юльевич!

Илья Кричевский

От ред.: внук Ильи Ильфа

«Слушай сюда!»

«Слушайте сюда!». С такими словами открывалась дверь, и в сектор литературы 20-х годов Литературного музея входил Саша Розенбойм, чаще всего с сигаретой в руке. За этим непременно следовал анекдот, а затем рассказ о неизвестном ранее случае, адресе, песне, рассказе, стихотворении «наших» писателей.

Казалось, он знал всех – Остапа Бендера, куклу Суок, Петю Бачея. Впрочем, он ведь действительно знал – пил пиво в московском парке с Осипом Шором, сидел за столом с Симой и Олей – сестрами Суок, сумел разговаривать на даче в Переделкино Валентина Катаева.

Это только он, внештатный сотрудник нового Литературного музея, смог не только получить в подарок кресло Багрицкого, но и прилететь на нем в Одессу. Да, именно так – стюардессы не устояли перед его напором, кресло поставили в салон самолета, и всю дорогу Саша на нем просидел.

Константин Паустовский писал об одесских песенках – а Саша находил их авторов, открывал давно забытые тексты.

Одесса Бабеля, Паустовского, Катаева, Багрицкого была для Розенбойма открытой книгой. За долгие годы работы в архивах и библиотеках он знал ее досконально, до мельчайших деталей: топографию и географию улиц, названия магазинов, адреса врачей и учителей, профессоров и биндюжников, грабителей и банкиров. Они оживали в его рассказах, под его пером – колоритные, хвастливые, удачливые. И даже грустные истории в изложении Саши все равно вызывали улыбку – так умел он повернуть сюжет, сыграть словом, интонацией.

В моей памяти неразрывно связаны два человека, к которым я обращалась «Саша», – Александра Ильинична Ильф и Александр Юльевич Розенбойм. Это она придумала обращение «Саша Р.».

Саша Ильф приезжала в Одессу – и мы традиционно устраивали посиделки в Литературном музее. Саша Р. приходил, объяснял преимущество сухого красного в жару и коньяка осенью, а затем говорил об Ильфе, Петрове, Багрицком как о близких и дорогих людях. И это ощущение счастья, легкости, какой-то гусарской лихости и одесского остроумия оставалось надолго.

Со временем география посиделок расширилась: «Optimum», Всемирный клуб одесситов, – но именно из музея мы шли ночью через Горсад. Накануне упал платан, последнее дерево того, старого Горсада, по легендам, помнившее Пушкина и уж наверняка помнящее Бабеля.

Мы сели на поваленный ствол, у кого-то нашлась фляжка с коньяком, Саша разлил – и мы выпили за это дерево, вспомнили «рухнувший дуб», выпили за всех одесситов, за наш город, о прошлом которого так сладко и грустно вспоминать.

Впереди было еще много лет, много книг, написанных Сашей о наших предках, нашем городе, обо всех «историях с раньшего времени».

Тогда – было.

Алена Яворская

